

Елена Андрейчикова

Курить у моря

Она села в машину на переднее сидение, хотя обычно в такси ездила на заднем. Почуяла носом едкий мускусный, всегда ее смущающий запах мужчины.

– Таксист – не мужчина, уймись, – она одернула свою помятую улыбку.

Он был вежлив, учтив и внезапно заботлив.

Предложил жевательную резинку.

На светофоре протянул руку куда-то под низ ее сидения, что-то скрипнуло, сидение отодвинулось назад, ее колени перестали упираться в бардачок. Он действовал уверенно, но деликатно, даже не задев ее рукой. Хотя она успела подумать, что вот, воспользуется, и проведет случайно по правой коленке крупной тяжелой пятерней. Тяжелой – только на взгляд.

Уточнил, нравится ли ей музыка.

Сделал громче, когда ответила.

Угостил сигаретой, когда она вдруг сама сделала тише музыку и сказала:

– Страшно хочется курить.

Протянул ей пачку, в этот момент улыбнулся, она тоже улыбнулась и достала случайно две. Он пошарил по карманам, в пустой пепельнице, в подлокотнике, но зажигалку не нашел.

Она положила сигареты назад в пачку. Остановились у ночного магазина.

– Я быстро.

Зашла и задумалась, что бы еще купить. Засмотрелась в зеркало витрины. Слегка круги под глазами. Но это можно списать

на освещении. И светлые волосы спутались у виска. Расправила. Почесала хитрый нос. Непонятно, почему хитрый. Так о нем подумала в тот момент. Есть хочется. Пить хочется. Курить хочется. Домой не хочется.

Дома пусто. Адски пусто. Только нежное одиночество. Настолько нежное, что всегда готовое задушить ее в своих объятиях. И звонить кому-то поздно.

А никому и не хочется.

Снова одна в окружении миллионов людей.

Нет, все-таки позвонить хочется, хоть кому-то, и просто сказать, как же, люди, тошно жить. Вроде хорошо. Хорошо жить. Вроде бы. Но до рвоты. Просто сказать об этом кому-то.

Подруге.

Маме.

Новому хахалю.

Ха. Ха. Ха.

Она купила презервативы. Сама – впервые в жизни, между прочим.

Да, и конечно, зажигалку. Как договаривались.

Вернулась.

Он поднес зажигалку к ее сигарете. Она была готова затянуться, вдруг резко отстранилась, как будто огонь задел ее ресницы:

– Давай не здесь. Давай у моря.

Пассажирка – не женщина. За ней не надо ухаживать. Не нужно цветов, ресторанов, признаний. Ее не надо долго соблазнять.

Море и ночь.

Успеть до рассвета. Рассвет возмутится, что же вы такое делаете, взрослые чужие люди.

Море и ночь не спросят. Они подыграют. Они подпоют.

Он снова залез рукой под ее сидение. Дернул, и она отъехала до конца, до заднего сидения.

Да, в машину она садилась не совсем трезвая, но на это не спишешь ее смелость. Да и какая нужна смелость, если тебя сжирает одиночество, и рядом только он, таксист – который не мужчина. Но как же? Почему же? Мужчина, еще какой. Пахнет добротой и лаской. Деликатный. Осторожный. Сильные руки. Уверенные руки.

Разве такое бывает? Как будто он ее знал. Все быстро расстегнул, все аккуратно приподнял, целовал, где следует. Именно ее следует целовать. Вступление отыграл уверенно, как будто делали они это каждый вечер в течение года или около того. Иной раз и за год не научишься так попадать по клавишам.

Но нет.

Они впервые.

Море и ночь. И два человека.

Сильно любил, до боли. До боли в душе, которая ни за что не хотела, чтобы это заканчивалось. И почему-то вспомнила брата, такая же, как у него колючая щека. И подругу, которая говорила, что учить любовников бесполезно, что да как, что из семи миллиардов обязательно кто-то умеет без слов. Без подсказок, без нот, без инструкций. Полная импровизация. Виртуозная шедевральная идеальная импровизация. И даже там наиграл, где она и не знала, что можно.

У него были свои презервативы. Ее покупкой так и не воспользовались.

Она твердила про себя:

– Господи, как же хорошо... Господи, ты слышишь... Прости меня, господи, что вечно ворчу на тебя. Прости, что не верила в чудеса. Он такой чудесный. Так целует, как будто любит, господи, представляешь.

Казалось, вот-вот зашепчет это вслух.

– Господи... господи...

И действительно – вслух.

Вот снова.

И потом вскрикнула, замерла, посмотрела ему в глаза и скорчила шпионскую гримасу, вскрикнула громко так, что чайки у моря притихли и удивленно оглянулись на автомобиль с надписью «убер».

Засмеялись. И чайки. И море. И ночь. И двое взрослых чужих людей.

Так все просто.

И так хорошо.

Жизнь она такая, она там, где все просто, и есть улыбки.

И не стыдно совсем.

– Господи, понимаешь, совсем не стыдно.

Что думал он, она не знала. Беседовал ли с богом, как она.

Возможно, иногда и перебрасывался словами.

Но внешне был увлечен и сосредоточен.

А иногда рукой проверял, не сполз ли презерватив.

– Я не одинока, господи, нет-нет. Женщина не может быть одинока, если она такое чувствует. И женщине больше не следует ворчать на бога, если он дал ей такие море и ночь.

После он оказался еще более деликатен. Всего несколько нейтральных вопросов. Больше смешных, чем нужных.

– Какая ты...

Он помедлил. Она боялась, что вот сейчас все испортит. Таксист – не мужчина. Не предъявляй претензий, не жди.

– Какая ты... какая ты...

И водил рукой по волосам.

Оделись и еще долго сидели в тишине. Смотрели оба вперед. То ли на море. То ли на чаек. То ли просто глаза блуждали, пытаясь ухватиться еще за несколько повисших в небе минут.

Она выходила из машины и улыбалась. Неважно, ничего не важно. Пассажирка – не женщина. У нее не надо спрашивать, как зовут. У нее не надо брать номер телефона. Не надо обещать звонков, свиданий, приличий, повторения.

Одиночество? Какое к черту одиночество! Нет его в мире. Если чужие люди, случайно столкнувшиеся на бегу, могут такое почувствовать, разве ж они чужие?! Их просто нет в мире чужих. Все свои. Всем все понятно. Понятно, что ночь черная, а море соленое, слова иногда лишние, а улыбки – нет, улыбки никогда не бывают лишними. И презервативы, кстати, тоже.

– Господи, только никому ни слова, – вскользь глянула она на небо, заходя в подъезд.

Жаль только, так и не покурили.

